

С. В. Любичанковский**«Унижающее время»: повседневная жизнь 1990-х гг. в дневниках****Л. Н. Большакова**

В статье систематизированы и проанализированы дневниковые записи почетного гражданина города Оренбурга, ученого и общественного деятеля Леонида Наумовича Большакова, касающиеся его восприятия эпохи 1990-х гг., характеризующейся изменениями всех сторон повседневной жизни гражданина России. Показаны взгляды Л. Н. Большакова на «лихие девяностые», зафиксировано его эмоциональное восприятие изменений, происходивших в сферах культуры и образования, в материальном уровне жизни оренбуржцев, в национальной политике и геополитическом пространстве. Все эти срезы эмоционального переживания эпохи «лихих девяностых», на наш взгляд, были типичны для простого советского интеллигентного человека, что стало одним из важных факторов бессилия гражданского общества в нарождающейся в 1990-е гг. «новой России».

Ключевые слова: дневники, Леонид Наумович Большаков, повседневная жизнь, интеллигенция, исторический источник, «лихие девяностые», «новая Россия».

В наш век СМС и смайликов дневник почетного гражданина Оренбурга Леонида Наумовича Большакова способен удивить. Еще бы! Двадцать солидных томов-ежегодников, заполненных мелким разборчивым почерком! Записи автор делал ежедневно, а значит, перед нами двадцать лет его жизни.

Анализируя их, доктор филологических наук Леонид Быков пишет: «Каждая запись — не столько мемуар дня, сколько отчет перед собой: сделано то-то и то-то, а завтра, в этом месяце, в этом году предстоит еще это и это. Дневник ведется не для самопознания, а для самодисциплины и самоорганизации, для поддержания себя в необходимой интеллектуальной форме. Практически любая страница этого ежедневника есть свидетельство крайне ответственного отношения человека к собственной жизни. А жизнь для него была синонимична работе» [1, с. 190].

И хотя с этим выводом трудно не согласиться: каждая страничка — в самом деле своеобразный отчет о прожитом дне, однако он (прожитый день) вмещал в себя не только информацию о личном (работе над книгой, бытовых проблемах, хозяйственных заботах, планах), но и размышления о происходящем в городе и стране, прочитанном и увиденном, полученных письмах... — в общем все, из чего складывался каждый день. И в результате перед нами не самоотчет, а «портрет времени». Конечно, кто-то это время видит и вспоминает иначе, но детали в дневнике достоверные, а значит, их нельзя просто отбросить: они являются частью этого «портрета».

Когда-то во вступительной статье к дневнику К. И. Чуковского Вениамин Каверин писал: «Но, может быть, тем и ценнее (я бы даже сказал бесценнее) этот дневник, что он состоит из бесчисленного множества фактов, которые говорят сами за себя» [4, с. 15]. Эти слова можно отнести и к дневнику Л. Н. Большакова. Справедливы и другие слова В. Каверина о том, что дневниковые записи представляют лишь фрагменты портрета самого автора — его надежд, его «болеи и обид» [4, с. 17].

Отметим, что к дневнику Л. Н. Большакова мы обращались уже не раз, однако предметом анализа становились записи советского периода нашей истории [7; 8; 9]. В предлагаемую статью включены записи 1992 и последующих лет, сделанные уже в постсоветской России. На наш взгляд, они не только воскрешают выразительные бытовые детали

© Любичанковский С. В., 2022

времени, но и позволяют почувствовать атмосферу недобрых лет. Более того, записи имеют силу документа, так как отражали происходящее в режиме «онлайн».

У проблематики изменений, происходивших в нашем обществе и государстве в 1990-е гг., уже существует определенная историография [2; 5; 6; 10; 11; 12], однако, конечно же, ей не хватает среза личной рефлексии со стороны рядовых жителей страны, не игравших активной роли в политических процессах того времени. Мы ставим задачу показать взгляды автора дневника на «лихие девяностые»; рассказать о выводах, к которым он пришел, проживая эту эпоху. Думается, мысли и чувства, сформулированные автором дневника, разделяли многие представители российской интеллигенции, на глазах которых рушились, казалось бы, незыблемые устои и происходила огромная общественно-политическая и культурная трансформация.

Характерно, что первому из постсоветских ежедневников предпослан эпитафия, которым стали строки из П. Вяземского: «Я просто “Записная книжка”, где жизнь играет роль писца». Это был уже девятый том дневника, но автор писал уже в новой стране. И хотя вместо не слишком благозвучной аббревиатуры — СНГ чаще всего говорили «бывший СССР», на географической карте его уже не было. Судя по дневнику, этот год был для Л. Н. Большакова особенно горьким и нестабильным; потерю страны он ощущает болезненно, как личную трагедию, утрату важного лично для него.

Нельзя не сказать, что автор дневника не просто фиксировал, но старался что-то изменить, выступал в газетах, на радио, проводил мероприятия и главное — работал, считая, что это и есть его ответ бездуховности.

«Утро выливает на голову, обрушивает на всего тебя ушат воды и град камней. Все это под видом новостей. Бронетранспортеры на улицах узаконены президентским указом... Официальное богослужение с Алексием во главе в Московском университете... Повышение цен на самое-самое... Единственная положительная эмоция: в Орской типографии отказались печатать листовку... насчет того, был ли Ленин немецким шпионом. Не единственная отрицательная: областное радио топает ногами: как посмели? Почему рабочих не наказывают? Проснулся с головной болью» [3, 30 января 1991 г.].

Шла настоящая борьба с культурой: без разбора уничтожались прежние нравственные ценности, культивировалась «свобода», точнее, вседозволенность и разнузданность. Во главу угла был поставлен доллар, стремление к наживе.

Рушились связи литературные, планы издательские. Нужно было думать о том, как обеспечить материальное благополучие семьи. Теперь, чтобы издать книгу, надо было вложить собственные деньги или искать спонсора. Уже первая запись в ежедневнике 1992 г. говорит сама за себя:

«Вчера подвел итог года минувшего. К удивлению моему, оказалось, что сделал довольно много. Единственное, что может печалить, это крах издательских планов. Но с сим надо смириться. Работать “платонически”, утешаться написанным, материализоваться же любым другим образом, в т.ч. в штатной работе. Конечно, убеждать легче, чем убедить. Имею в виду самого себя, свое “Я”» [3, 1 января 1992 г.].

Многие записи первого постсоветского года — как стоны.

«Мерзопакостное настроение. Причина? Цены, известные пока только в общих чертах, т.к. продуктов нет и выставить ценники негде» [3, 2 января 1992 г.].

«Нищета прет из всех щелей. Гибнет наука, гибнет космос, на заклятие отданы народ, его дух, нравственность, культура, искусство, литература. Разрушаются армия и флот. Бои в Тбилиси — смерть и разрушения; разрушен солнечный проспект Руставели. Кто поручится, что не быть такому же развороту событий и в других местах разобщенной, изнасилованной — и безобразно, садистски насилуемой — державы. Увы, уже бывшей

державы, а ныне чего-то бесформенного... Первая еженедельная программа “Итоги” вся об этом. “Положительное” днем с огнем не сыщешь. Изучая накопившиеся за долгое время нечитанные газеты и еженедельники, узнаю небезынтересное, но все одного и того же рода. Нигде в мире, вероятно, так много не упражняются в поливании самих себя воющим дерьмом. А у нас идет соревнование именно в этом. И только в этом» [3, 5 января 1992 г.].

«Новоявленные “демократы” — похоронная команда для страны и всех нас. Я работал в безнадеге онкологии, — сейчас же не получается ничего, и страдаю вдвойне, тройне. Перестать себя насиловать? Плыть по воле волн, спасаясь только от инфаркта?» [3, 6 января 1992 г.].

«...Ранит деланность, неискренность всех этих радио- и телепоздравлений с Рождеством... подменяя еще недавно существовавших реальных, достойных подражания героев, оставив юным либо коммерцию, либо Христа. Но Христос в церкви и по праздникам церковным, а в жизни что и кто? — торговцы, мошенники, прожигатели, люди без всего святого. Идет интенсивное “калеченье” поколения. И уже не одного: каковы нынешние — таковы и завтрашние. Грустно. Тоскливо. До чего же тошно!» [3, 7 января 1992 г.].

«...Наглость и глупость переходят все границы. Ельцин прибыл на полдня в Саратов для того только, чтобы заявить: автономия немцев будет там, где окажется 90% (!!!) компактно проживающих “лиц немецкой национальности”. Какая глупая оскорбительная чушь!.. По этому принципу у нас ни одной законной автономии. Да и вся Россия не имеет глобального преобладания русских. Говорить надо, думая над тем, что говоришь во всеуслышание» [3, 7—8 января 1992 г.].

«...Куда пришли? Куда идем? “Предгрозовое молчание”. ...То, что делается сейчас, — заговор, преступление против народа. Преступление — не чета “гэкачепешному”. Переворот совершен не ими — людьми, оказавшимися хитрее и подлее... Тяжело дышать!» [3, 13 января 1992 г.].

«Президент Ельцин выбрался в далекий Брянск. Обнаружил то, что никто и не скрывал: говядину 204 р. за кг. И объяснил это совершенно просто: партаппаратчики, мол, пробрались на мясокомбинат и в торговдел. Проституция, и отнюдь не валютная. Дешевая, грязная, вокзальная. Если бы страна не знала его партейгеноссе. Вот где самое циничное предательство» [3, 14 января 1992 г.].

«Что требовать/ждать — от всегда неорганизованных, до мозга костей индивидуалистичных писателей, если полный разброд и игнорирование любых авторитетов в нашей доблестной — и уже разваленной — армии? Всеармейское офицерское собрание, транслировавшееся в течение многих часов 17-го, — очередной наш позор; и какой дурень санкционировал полную трансляцию этой унижительной акции, несказанно подорвавшей и без того остаточный авторитет наших Вооруженных Сил. Это было отвратительное зрелище, болью отзывавшееся в миллионах сердец, в т.ч. в каждом ветеране. Армия повержена не Гитлером, но “своими” — позор всесветный! Никто никому не подчиняется. Единоначалие — тьфу, присяга — хочу приму, хочу нет. Ничего не понимающие в военном деле “политики” отдают военные приказы. Переворачиваются в гробах полководцы Отечественной... Стыдно перед Жуковым...» [3, 18 января 1992 г.].

«Студенты — на правительство, правительство — на студентов: есть убитые и раненые. Не закончилось Тбилиси — начался Ташкент. “Третьей Севастопольской оборонной” окрестил Бабурин¹ происходящее в Крыму. Нарастает конфронтация на Украине. Не внутренняя, слава Богу, но — с Москвой. Никакой дипломатии со стороны Ельцина, ни малейшего ума во взаимоотношениях с независимости — и им это здорово надоедает.

¹ Бабурин Сергей Николаевич — советский и российский политический и государственный деятель.

Пока просто огрызаются, но... СНГ недолговечен, перспективы неутешительны. Как у нас всех — так жить нельзя, а просвета не видно» [3, 20 января 1992 г.].

«...Бывшая Советская Армия. Бывший СССР (или Советский Союз). Всякий раз такие словосочетания жалят меня в самое сердце, “валят с ног”, воспринимаются мною как личное оскорбление. Кого может радовать развал? К чему он способен привести? Для меня вопрос совершенно ясен. Почему он не ясен для высших властей, особенно России?!» [3, 29 января 1992 г.].

«Чем хуже идет жизнь, тем отчетливее тенденция валить все [на] КПСС. И ведь есть такие глупцы (дурни!), которые верят, что сегодняшние провал за провалом — это “козни коммунистов”, а не бессилие новых властей — разрушающих, но не способных еще созидать» [3, 11 февраля 1992 г.].

«А жизнь все скудеет. И как достижение — “бесплатные обеды...”, “гуманитарная помощь...”. Тем временем сознательно разваливаются колхозы-совхозы, останавливаются заводы-фабрики, гибнет рубль. Никакого просвета!» [3, 12 января 1992 г.].

«“Бандеровец” было словом ругательным, а теперь Степана Бандеру печатают с сохранением правил правописания, чего не делают с самим Шевченко. Вместо исторической объективности опять крайности, только прямо противоположные» [3, 13 января 1992 г.].

«...Сегодня закончились (бы) “500 дней” Явлинского¹, будь они в октябре(?) 1990 года приняты. Был бы из программы толк? Кто это знает? Но позорнее нынешнего положения быть не могло. И еще за 500 дней падения нашего не остановить. Я свой личный отсчет² начал позже, в первых “500” мне жить еще две недели. Тоже не “фонтан” — утешаться нечем... Реальное ощущение: сделано мало» [3, 13 февраля 1992 г.].

«Я, вероятно, кажусь отъявленным чудачком... со своими мыслями о “ШМ”³ и планами его проведения. Но это мое сопротивление нашему всеобщему хаосу, нашей глобальной бездуховности. Делаю — и сделаю — все по максимуму своих возможностей» [3, 14 февраля 1992 г.].

«...Праздничности не ощущается ни в чем. Еще один атрибут прежней жизни перечеркнут. Я — за реформы, но без кровавого стула и харканья в душу, а именно это происходит нынче, что ни день круче» [3, 1 мая 1992 г.].

«Совершенно нечего записывать, так все вокруг тускло. Зафиксировать еще один Афган? В Душанбе и Таджикистане стреляют и убивают — власти в народ, народ — во власть... Пока борцы с “тоталитаризмом” добились одного — войны, горячей или холодной, но войны между республиками, жившими еще недавно так мирно-ладно. Войны и полной экономической немощи, все более нарастающей» [3, 5 мая 1992 г.].

«Газеты, газеты. В них все явственнее проступает негативное отношение к происходящему, к действиям властей. Ничего нового для меня в этом нет. Как можно относиться к сегодняшнему, к нынешним правителям по-другому? Держишь себя на плаву из последних сил. И думаешь не о творчестве» [3, 27 мая 1992 г.].

Последнее признание поражает особенно. Ведь даже находясь на больничной койке, он работал над той или иной книгой, писал, сейчас же не мог заставить себя сесть за письменный стол: «...“Работаю” лениво-прелениво... Мерзко от сознания того, что всюду война или предгрозьба военное. В полный голос воюют — что ни день, то горя-

¹ Непринятая программа Шаталина — Явлинского о переходе плановой экономики Советского Союза на рыночную в целях преодоления экономического кризиса 1990 г.

² В 1990 г. Л. Н. Большаков подсчитал, что до его семидесятипятилетия осталось 3000 дней и вел обратный отсчет.

³ Праздник «Шевченковский март» в Оренбуржье проводился по инициативе Л. Н. Большакова ежегодно с 1977 г.

чее, страшнее — Азербайджан с Арменией. Сегодня в развалины превращается город азербайджанцев, завтра — армян... Всюду, во всем и ужесточение и ожесточение. Время ежедневных и ежечасных недобрых сюрпризов. Не пишется даже дневник. Записываю с опозданием порою на сутки... Ослабление “творческой потенции” налицо и — огорчает крепко» [3, 8 марта 1992 г.].

На страничке от 25 апреля переписаны строки из стихотворения Бориса Чичибабина «Плач по утраченной Родине»: «Судьбе не крикнешь: “Чур-чура, Не мне держать ответ!” Что было родиной вчера, Того сегодня нет...». Как видно, они в полной мере передавали чувства автора дневника, который, кстати, записал свое наблюдение о практически полном отсутствии стихов в центральных газетах. «Время, лишённое поэзии, — как это горько», — пишет автор и вклеивает газетные строки из стихотворения А. Дементьева, напечатанного в «Комсомольской правде»: «Я ничего и никому не должен. Не должен клясться в верности стране, За то, что с ней до нищеты я дожил. За то, что треть земли моей в огне...» [3, 25 апреля 1992 г.].

Автор комментирует: «Мысли А. Дементьева мне очень близки... как и афоризм Н. Солженицыной в ее интервью “КП”: “Годы перестройки — это сухой расстрел страны”. Отдадим должное: сказано точно. Мы живем в до смерти расстрелянное время. Оно — покойник. И мы в нем покойники» [3, 31 мая 1992 г.].

Заботы о хлебе насущном отвлекали от дел литературных, отнимали силы, лишали покоя, и в записях слышна горечь: «Почему я сбрасываю со счетов дневник? Это тоже мое “литературное произведение”. Вполне определенное письмо в... никуда» [3, 29 сентября 1991 г.]. «Дневник-летопись — единственный вид литературно-мыслительных моих занятий уже много месяцев. Грустно...» [3, 30 августа 1992 г.]; «Я благодарен этим ежедневным листочкам как тренажеру и тренингу — иначе мог бы разучиться писать, а записи держат хоть в какой-то форме» [3, 27 сентября 1992 г.].

«...Помню, как в войну я долго вспоминал довоенные впечатления от... халвы, пока в 46-м, впервые попав в Москву, не надыбал ее и прямо в магазине сожрал все купленное. Минуло 45 с лишним лет и... о, диковинка!.. “дают халву”... Два часа простояли ребята (внуки. — С. Л.) в очереди, два килограмма купили — и ушло все в мгновение ока... Все худшее повторяется» [3, 16 февраля 1992 г.]. Кстати, на ту же страничку вклеено поразившее автора объявление, приглашающее «пенсионера или человека, имеющего достаточно свободного времени и здоровья, для отоваривания общегор. прод. талонов в магазине “Горизонт” за вознаграждение».

«Снова — и опять круто взмывают цены на авиабилеты. Все делается для дальнейшего разобщения СССР (не поворачивается язык сказать “бывшего”), хотя недавнее его единство быльем поросло, оно сохраняется только в памяти людей моего поколения. Курс — на разрыв...» [3, 16 марта 1992 г.].

«...Глобальный разлад — нет, развал — всего. Там, где войны нет, она зреет. В Казахстане переименовывают города. Нет старого Гурьева (изначального!) и сравнительно нового Шевченко, на очереди Уральск. Русских смещают с должностей, замещая казахами; в сельских школах закрываются русские классы. Бушует наглюющий национализм и — капут покою, капут мирному сосуществованию. Доигрались. И то ли будет?» [3, 4 апреля 1992 г.].

Одна из апрельских записей 1992 года сделана в Москве.

«Москва — сплошной блошинный рынок. Бесконечный прилавок архидорогого “шурум-бурума” и на каждом шагу нищие, прущее через край нищенство большинства.

Тусклая столица агонизирующего государства. На экране — “съезд безысходности”¹, на улицах, в метро, в магазинах — безысходность наяву...» [3, 9 апреля 1992 г.].

«Сегодня отправились на “Гонимых бесом” (так и не понял, почему “Егор Булычев и другие” получил новое имя). Но куда существеннее, что спектакль не состоялся — его отменили. Еще бы — в зале собралось меньше народа, чем должно было явиться перед нами на сцене. Оставляю на память программу несостоявшегося действия...» [3, 25 апреля 1992 г.].

«Город в замызганном состоянии. Возле универмага и базара толпы торгующих-покупающих — вот-вот затопчут — к автобусу не пробиться. От всего этого веет такой нищетой, такой безысходностью...» [3, 2 мая 1992 г.].

«Объявление из сегодняшней газеты: “Куплю ордена. Звонить...”. Коллекционировать можно все. Но такой цинизм охоты за добычей безнравствен. Да еще публикация в канун Дня Победы! Да еще среди нищеты, спасаясь от которой многие готовы продать и ордена, и души!» [3, 8 мая 1992 г.].

Две записи в дневнике касаются прославленного военного училища: «Будоражит очередная несправедливость — разрушение ОБВАУЛ, нашей семидесятилетней, прославленной “летки”. Начальник училища просит оренбуржцев — по радио! — о помощи, о поддержке. Закрывать самое знаменитое из летных училищ? Лишить Оренбург изначального военного духа? Что ни день — глупость и подлость» [3, 14 мая 1992 г.]; «Щемящее чувство вызвало во мне сообщение радио: выпуск лейтенантов в нашей “летке” и — последний выпуск, после которого училище (такое училище!) перестает существовать. На пороге 250-летия город только теряет, падает все ниже и глубже. Ни Синчук, ни Гагарин в расчет не принимаются. О, Иваны, Борисы, Егоры и пр., не помнящие родства...» [3, 1 сентября 1992 г.].

«Телевидение день за днем разоблачает “козни”, производит “переоценку ценностей”. На самом деле происходит утрата ценностей — без обретения новых» [3, 3 сентября 1992 г.].

«Дети-байгуши, которые потрясли Шевченко в степях, переместились в подземные переходы Оренбурга... Всех не одаришь... и отводишь глаза от этого гнусного зрелища, а на душе пакостно, так пакостно...» [3, 20 мая 1992 г.].

«В июле вполне вероятно — и даже совершенно точно — я впервые в сознательной своей жизни не буду получать прессу. Не переподписался, не продлил подписку ни на одно издание. Деньги, деньги... О чем пишу?! Унижающее время!...» [3, 18 июня 1992 г.].

Во всех томах дневника Л. Н. Большакова записи от 22 июня содержат воспоминания о Великой Отечественной войне: эвакуации, госпитале, Дне победы в 1945-м и др.

В 1992 г. на странице от 22 июня читаем: «И через 51 год идет война. Только тогда враг был один, а сейчас на каждом “фронте” свои силы противостояния, свои воюющие стороны. Кровь льется все больше. Жизнь становится все хуже — особенно тех, кто прошел ту войну. На нашу долю выпало столько и такого, что ни описать, ни рассказать. Выпало — и выпадает и — еще выпадет» [3, 22 июня 1992 г.].

«Думала душа моя убита, а она, проклятая, горит...», — процитировав строки из предсмертного стихотворения прошедшей всю Великую Отечественную Юлии Друниной, автор дневника пишет: «Горит душа у каждого, кто честен. ...Я киплю, горю, переживая то, что происходит и чему не видно конца. Под откос летит все, что дорого!» [3, 21 июня 1992 г.].

И опять записи, отражающие и детали повседневного бытия, и настроение автора:

¹ Так автор назвал VI съезд народных депутатов РФ, который начал работу 6 апреля.

«“Как поживаете?” — “Хер..ашо”. Моя формулировка. Все здоровы — это хорошо. Все вокруг отвратительно — это херово. Вот и оценочное “херашо”, более всего подходящее к данному моменту» [3, 25 июня 1992 г.].

«...Жизнь дорожает невероятно... На ценники смотришь с содроганием. Сегодня в колбасном отделе не видел ни одного покупателя. Но после очередного шока они появляться — куда денешься? Многотерпеливый, многострадальный народ!» [3, 29 июня 1992 г.].

«...Тошно от всего вокруг. От бесконечного трепа о злокозненных большевиках, которые довели, которые доводят и т.д. и т.п. От неумолкаемых призывов к действиям — вместо этих самых действий. От того, что маюсь бездельем (никогда не имел выходных дней, а тут их праздную исправно, до тошноты). От того, что некуда и не к кому пойти... Приятелей действительных все меньше и меньше — теряешь, не приобретаешь. Пуст почтовый ящик: сегодня в нем первое с начала июля письмецо — от Белого¹. Тирада о никчемности этой жизни. Ответил ему искренними, но банальными словами» [3, 4 июля 1992 г.].

«...Вездесущий и органичный Эльдар Рязанов сделал новую программу “А вы ноктюрн сыграть смогли бы на флейте водосточных труб?” Рязанов на Арбате, в Столешниковом, в подземном переходе. Музыканты — первоклассные! — играют на улице... и еще один такой же оркестр, рангом послабее (но тоже из людей с консерваторским образованием), девочки, поющие в переходе и приплясывающие под гармошку... Нищенство, подкрашенное и неприкрытое, столица, теряющая свой цивилизованный облик, безразличные или озлобленные люди. Падение культуры, упадок нравственности, разброд и развал — вот про что этот рязановский ноктюрн. И не доблесть говорухинская злость, если есть рязановская ирония-доброта — она сильнее. Хотя куда денешься от злости, даже ненависти?» [3, 8 июля 1992 г.].

«“В связи с изменением тарифов просим Вас прибыть... для перезаключения договора”. Содержательные нонче письма пошли — одно другого дороже... Идет повальный невооруженный грабеж. Я оброс, а в парикмахерскую идти опасаясь: стрижка, по слухам, обходится в полсотни (!) рублей. И так во всем... Время астрономических сумм!» [3, 9 июля 1992 г.].

«Пялишь глаза в телевизор и сам себе дивишься — надо же, не уходишь и не выключаешь. Вот где опиум для народа. Задумался над тем, что угасает и проза, и поэзия... Вместе с экономикой агонизирует литература. Может, воскреснет, но только с годами, притом неблизкими. Все менее интересной становится печать. Оригинальнее становятся только объявления, да и то “страшно далеки они от народа»» [3, 9 августа 1992 г.].

Это сегодня 19 августа — День Государственного флага России. Указ об этом был подписан только в 1994-м, однако дата была выбрана в память событий, происходивших 19 августа 1991 г. [5]. Спустя год в дневнике Большакова читаем: «Телевидение и радио из последних сил пытаются поддержать праздничность дня, когда после “путча” пришла “победа”. Но праздничности не получается, равно как и утверждения героичности происшедшего. Кто только не занимается воспоминаниями, однако все это убеждает только в обратном. Ясно одно — “Россия во мгле»» [3, 21 августа 1992 г.].

«День пожилых людей. Говорят, Всемирный. Но если это так, то там сие не день унижения стариков подачками — похлебкой, ношенными копеечными вещами, талоном в баню, в парикмахерскую, в химчистку. Где еще “пожилой” означает нищий?» [3, 1 октября 1992 г.].

¹ Белый Александр Иосифович (1927—2006) — российский и казахстанский историк, исследователь прошлого Уральского и Оренбургского казачества, Уральска и Западного Казахстана, работал в педагогическом университете г. Уральска, автор краеведческих статей, библиофил.

«Опять подняты цены на все и здорово подняты. Никаким зарплатам за ними не угнаться. А Ельцин озабочен тем, что в ходу марки “Почта СССР”. Ему ненавистно все советское, будто не СССР вывел его в люди. Увы, в люди не из хороших... Трагический сюжет в “Известиях”: герой Бреста в очередной раз попал в Брестскую крепость, ощутил равнодушие и бросился под поезд. Бросился осознанно. Довела собачья жизнь» [3, 6 октября 1992 г.].

«Только природа блюдет свою честь: как и в лучшие времена одаривает Оренбург густыми хлопьями снега. Ни праздника, ни праздничного настроения не ощущается. Будничное радио, безфлажье, тишина на улицах. Бриллиантовый юбилей Октября втопан в месиво г... погружен в вонючую жижу клеветы, оболган тупыми новоявленными властителями, способными только отрицать все и вся, но ни в коей мере не созидать. Увы, Октябрь породил и своих могильщиков — вот за что стоит его бичевать, не перечеркивая много и многого доброго, открытого тогда... Пользуясь глупостью и голодных, и сытых, Ельцин со своими клеветами нахально убеждает в обратном, не думая о том, что уже скоро его самого обосрут с ног до головы. Тьфу!» [3, 7 ноября 1992 г.].

«Перед глазами — худящая, голодная собака возле 30-й школы. Возле нее — сердобольная женщина с печеньем в руках. Но собака уже не ест — обессилела. Страшно!» [3, 14 декабря 1992 г.].

Повторю: приведенные записи — из дневника первого постсоветского года. Но развал продолжался, и дневники последующих лет запечатлели колоритные детали постсоветских лет:

«Смотрю телевизор. Раздражает неумная, порою позорная реклама: симфонический оркестр, вдохновенный дирижер, идет то ли концерт, то ли репетиция. Деловым шагом к пульта направляется коллега старого (очень похожего на Мравинского...) маэстро. Что-то шепчет ему на ухо. Заинтересованный маэстро срывается с места и спешит за кулисы. За ним, валя, ломая и топча все, что оказывается на пути, устремляется весь оркестр. И строка-резюме: “Привезли куриные окорочка Союзконтракта”. Позор! Реклама неуважения, презрения к самим себе! Боже ты мой, какие же мы сырые и убогие! Душа болит и вопит...» [3, 10 апреля 1994 г.].

«В ресторане “Факел” будет проведена торжественная литургия, посвященная открытию Дней казахской культуры. Литургия — атрибут христианский, казахи — мусульмане. И потом место какое — ресторан! Сюжет анекдотичный, но многозначительный. Но кто будет (и будет ли?) извлекать из него урок элементарной глупости» [3, 3 апреля 1995 г.].

«Дни бегут, как рубль за долларом... В Орске уже недели бастуют учителя. Пикетируют администрацию — и ничего существенного не добиваются. Сегодня их от “администрации” отгородили турникетами — во избежание столкновений? Стычек? “Вооруженных” конфликтов? Все здесь безнравственно» [3, 18 апреля 1995 г.].

«Штрихи оренбургско-российской действительности: 1) Встречаю Олега Милохина с тремя большущими сумками, до краев заполненными пластмассовыми бутылками из-под Живой воды; не смущаясь, говорит, что на его обязанности лежит добыча емкостей, а на жене — продажа пустой посуды у стен пивзавода (иногда с перекупленной воблой), пенсия мала, это — подспорье. Он — известный деятель театра, заслуженный работник культуры; она — актриса оперетты, дочь — заслуженная артистка в театре кукол! 2) Театры не работают по неделям; пробавляются тем, что сдают помещения под свадьбы “новых русских” — по договорам — в кассу, по уговорам — в карман начальству (как театральному, так и областному). Позор и ничего более!!!» [3, 21 мая 1997 г.].

«Проголосовали... Активности утром не заметил... Хотя бы всюду были обеспечены эти смехотворные 25 процентов голосующих и повторять всю процедуру не пришлось. Осточертело!» [3, 22 марта 1998 г.].

«...Купил газету “ОВ” [«Оренбургское время». — С. Л.], прочел. Название странное: “Быть знаменитым некрасиво, а быть почетным ничего...”. Сам заголовок вызывает удивление неуважительностью своей. Все почетные — старики (если не покойные), но их (нас) обвиняют в свободе от обязанностей, а еще чуть ли не в стяжательстве (“они живут за счет городского бюджета... и умирают тоже бесплатно”)... Общее впечатление гадкое. Кому это нужно было — обосрать отнюдь не худших людей, да еще демонстративно, в канун Дня Победы. В этом вся мерзость нашей сегодняшней несусветной жизни. Тьфу!» [3, 8 мая 1998 г.].

«Постыдное объявление по областному радио: “ОГУ требуется крановщик на старый КРАЗ. Зарплата на уровне профессора”. Большой пощечины и профессуре, и университету, и ничемному нашему государству быть не может. И что существенно: даже самый паршивый крановщик на такое объявление не клюнет, даже если посулят спецовку “а ля-мантя”» [3, 23 июля 1998 г.].

«Горестное впечатление от вида вестибюля девятиэтажки. У каждой стойки — толпа. Считается продовольствие всевозможного назначения: сыры, крупы и т.д. и т.п. Из почти пустой (и быстро опустошаемой) витрины колбасных изделий извлек нечто съедобное по цене, подскочившей вверх, на том и ограничился. Что же будет? Ничего хорошего и не будет! В одну неделю откат на десяток лет! ...Снова прокатали Черномырдина. Обсуждение было бурным. Как только ЧВС его выдержал? Бичуя Черномырдина, депутаты клеймили слабоумного, но неприлично упертого... [далее по тексту нецензурное высказывание, относящееся к президенту Б. Н. Ельцину. — С. Л.]. Бедная, безнадежно больная Россия, за что тебе (нам!) все эти страдания?» [3, 7 сентября 1998 г.].

В такой атмосфере очень трудно было не потерять себя и в то же время выжить, не начать, прикрываясь фразами о рыночной экономике, зарабатывать деньги любым путем, в том числе участвуя в растлении читателей и зрителей.

Надо сказать, что автору дневника это удалось в полной мере. На листок за 8 февраля 1994 г. Леонид Наумович Большаков вклеил слова из интервью со Львом Додичным. Автор статьи говорит о своем новом спектакле: «Быть может, чем неблагоприятнее жизнь, тем продуктивнее искусство. Как ни печально...». У автора дневника эти слова вызвали ассоциации шевченковские, он пишет: «Замкнутое пространство Новопетровского укрепления и — творчество в разных жанрах. Чем труднее жизнь, тем продуктивнее творчество. Надо писать не горе, но преодоление горя — живой творческий дух» [3, 8 февраля 1998 г.].

Но слова Л. Додина можно отнести и к автору дневника. Стараниями Леонида Наумовича в трудные и непредсказуемые 90-е годы пришла к читателям его трилогия «Быль о Тарасе», учрежден научно-исследовательский Институт Тараса Шевченко, созданы региональные литературные энциклопедии — Оренбургская Толстовская, Оренбургская Пушкинская и Оренбургская Шевченковская; в 1998—1999 гг. он вел радиорубрику «Настроение недели» в еженедельной программе Алексея Михалина «Семь дней». За эти годы состоялось более трех десятков радиовыступлений, в которых почетный гражданин города говорил о проблемах вечных, обращался к человеческой совести, предостерегал от грязи и лжи, призывал не убивать в себе человеческое. В те годы «Настроения недели» сыграли немаловажную роль в формировании духовного мира многих оренбуржцев, помогли увидеть то, что скрывали, понять то, что старательно запутывали.

«Не могу я не идти к микрофону, когда такое на Руси нашей творится, когда не лучше, а хуже становится жизнь. Так, может, в ожидании более спокойных времен отодвинуть свою энциклопедическую затею на будущее? [именно на это время пришлась самая напряженная часть работы над «Оренбургской биографической энциклопедией». — С. Л.]. Да ведь будущего у нас не будет, если мы не мобилизуем свои силы сегодня. Кто где может. Каждый на своем посту...» — делился Л. Н. Большаков своими мыслями со слушателями 27 декабря 1998 г.

Радиосюжеты, действительно, выражали настроение Леонида Наумовича, но оно — его личное настроение — было напрямую связано с событиями, происходящими и в стране, и в Оренбуржье. Так бывает только тогда, когда человек живет общими заботами и общей болью со всеми. К слову, и сегодня многое из сказанного звучит злободневно: «Слово “стыдно” забыто напрочь. Кому на руку насаждать бесстыдство?! И бытовое, и политическое. Отнюдь не достижение общества — такая вот вседозволенность, такая никчемная, никому не нужная гласность» [3, 11 апреля 1999 г.].

Одиннадцать ежедневников постсоветского периода сохранили впечатление и раздумья Л. Н. Большакова о происходящем не только в России, но и на территории некогда большой страны: поднявшем голову национализме и враждебности бывших союзных республик, забастовках рабочих, учителей, студентов, растущих ценах и нищете большинства, разброде и шатании в Вооруженных Силах... С возмущением автор пишет о неумной и лицемерной политике властей, стремлении все свалить на «козны большевиков», неуважении ко всему советскому и т.д. В итоге отразившие каждый прожитый день лаконичные, по-писательски яркие дневниковые записи являются интереснейшим документом новейшего времени, в котором раскрыто отношение к Эпохе «классического» советского интеллигента, преданного своей стране, однако не желавшего отказываться от идеалов патриотизма и уважения к собственной истории и культуре.

Список использованных источников и литературы

1. Быков Л. П. Технология жизни // Вестник Уральского отделения РАН. 2013. № 1 (43). С. 189—191.
2. Генералова Е. В. «Лихие девяностые» и «тучные нулевые»: Образ времени в современном русском языке // Духовность и ментальность: Экология языка и культуры на рубеже XX—XXI веков : сб. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. педагогической и научной деятельности проф. Галины Васильевны Звездовой и приуроченной к ее юбилею. Липецк : Липецкий гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тянь-Шанского, 2017. С. 166—173.
3. Дневник Л. Н. Большакова // Семейный архив Т. Л. Большаковой.
4. Каверин В. А. Дневник К. И. Чуковского // Чуковский К. И. Дневник (1901—1929). М. : Советский писатель, 1991. С. 3—21.
5. Клисторин В. И. «Лихие девяностые» глазами экономиста // ЭКО. 2014. № 10 (484). С. 181—189.
6. Ларева Т. Г. Перестройка и «лихие девяностые» в изобразительном искусстве Прибайкалья // Культурное наследие Сибири. 2016. № 1 (19). С. 68—76.
7. Любичанковский С. В. Дневник как исторический источник (на примере дневника Л. Н. Большакова) [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 4 (20). С. 142—152. URL: http://www.vestospu.ru/archive/2016/articles/14_20_2016.pdf.
8. Любичанковский С. В. Конец советской эпохи глазами очевидца (на материалах личного дневника Л. Н. Большакова) [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 2 (22). С. 152—162. URL: http://www.vestospu.ru/archive/2017/articles/16_22_2017.pdf.
9. Любичанковский С. В. «...Партия выходит из меня»: размышления рядового коммуниста (на материалах дневника Л. Н. Большакова конца 1980-х — начала 1990-х годов) [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 2 (30). С. 190—201. URL: http://vestospu.ru/archive/2019/articles/11_30_2019.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.30.11.

10. Малинова О. Ю. Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг. // Южно-российский журнал социальных наук. Краснодар : Изд-во КубГУ, 2019. Т. 20, № 3. С. 91—105.
11. Малинова О. Ю. Тема «лихих девяностых» в дискурсах российских коммунистов и национал-патриотов // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2020. Т. 14, № 2. С. 53—63.
12. Симонян Р. Х. «Лихие» или «славные» девяностые? // Свободная мысль. 2011. № 12 (1630). С. 159—174.

Поступила в редакцию 10.02.2022

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: svlubich@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8349-1359

UDC 94(470.56)“199”

S. V. Lyubichankovskiy

“Humiliating Time”: everyday life in the 1990s in the diaries of Leonid Bolshakov

The article systematizes and analyzes the diary entries of the honorary citizen of the city of Orenburg, scientist and public figure L. N. Bolshakov, concerning his perception of the era of the 1990s, characterized by changes in all aspects of the daily life of a Russian citizen. The views of L. N. Bolshakov on the “dashing nineties” are shown, his emotional perception of the changes that took place in the spheres of culture and education, in the material standard of living of Orenburg residents, in national politics and geopolitical space is recorded. All these sections of the emotional experience of the era of the “dashing nineties”, in our opinion, were typical for a simple Soviet intelligent person, which became one of the important factors in the impotence of civil society in the emerging in the 1990s “new Russia”.

Key words: diaries, Leonid Naumovich Bolshakov, everyday life, intellectuals, historical source, “dashing nineties”, “new Russia”.

Lyubichankovskiy Sergey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: svlubich@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8349-1359

References

1. Bykov L. P. Tekhnologiya zhizni [Technology of life]. *Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN*, 2013, no. 1 (43), pp. 189—191. (In Russian)
2. Generalova E. V. “Likhie devyanostye” i “tuchnye nulevye”: Obraz vremeni v sovremennom russkom yazyke [“Dashing nineties” and “fat zero”: The image of time in the modern Russian language]. *Dukhovnost' i mental'nost': Ekologiya yazyka i kul'tury na rubezhe XX—XXI vekov: sb. statei po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. pedagogicheskoi i nauchnoi deyatel'nosti prof. Galiny Vasil'evny Zvezdovoi i priurochennoi k ee yubileyu* [Spirituality and mentality: Ecology of language and culture at the turn of the XX—XXI centuries. Coll. articles based on the materials of the International scientific-practical conf., dedicated pedagogical and scientific activity of prof. Galina Vasilievna Zvezdova and timed to coincide with her anniversary]. Lipetsk, Lipetskii gos. ped. un-t im. P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo Publ., 2017, pp. 166—173. (In Russian)
3. Dnevnik L. N. Bol'shakova [Diary of L. N. Bolshakov]. *Semeinyi arkhiv T. L. Bol'shakovoi* [Family archive of T. L. Bolshakova]. (In Russian)
4. Kaverin V. A. Dnevnik K. I. Chukovskogo [Diary of K. I. Chukovsky]. *Chukovskii K. I. Dnevnik (1901—1929)* [Chukovsky K. I. Diary (1901—1929)]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991, pp. 3—21. (In Russian)

5. Klistorin V. I. “Likhie devyanostye” glazami ekonomista [“The dashing nineties” through the eyes of an economist]. *EKO*, 2014, no. 10 (484), pp. 181—189. (In Russian)
6. Lareva T. G. Perestroika i “likhie devyanostye” v izobrazitel’nom iskusstve Pribaikal’ya [Restructuring and “the wild nineties” in visual arts of the Baikal region]. *Kul’turnoe nasledie Sibiri*, 2016, no. 1 (19), pp. 68—76. (In Russian)
7. Lyubichankovskii S. V. Dnevnik kak istoricheskii istochnik (na primere dnevnika L. N. Bol’shakova) [L. N. Bolshakov’s Diaries as historical source]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2016, no. 4 (20), pp. 142—152. Available at: http://www.vestospu.ru/archive/2016/articles/14_20_2016.pdf. (In Russian)
8. Lyubichankovskii S. V. Konets sovetskoj epokhi glazami ochevidtsa (na materialakh lichnogo dnevnika L. N. Bol’shakova) [The end of the Soviet era by eyes of the eyewitness (on materials of the personal diary of L. N. Bolshakov)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2017, no. 2 (22), pp. 152—162. Available at: http://www.vestospu.ru/archive/2017/articles/16_22_2017.pdf. (In Russian)
9. Lyubichankovskii S. V. “...Partiya vykhodit iz menya”: razmyshleniya ryadovogo kommunisty (na materialakh dnevnika L. N. Bol’shakova kontsa 1980-kh — nachala 1990-kh godov) [“...The party deserts me”: reflections of an ordinary communist (based on the materials of L. N. Bolshakov’s diary in the late 1980s — early 1990s)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2019, no. 2 (30), pp. 190—201. Available at: http://vestospu.ru/archive/2019/articles/11_30_2019.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.30.11. (In Russian)
10. Malinova O. Yu. Konstruirovaniye smyslovykh ramok pamyati o reformakh 1990-kh gg. v liberal’nom diskurse 2000-kh gg. [Framing memory about the reforms of the 1990s in the liberal discourse in the 2000s]. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial’nykh nauk — South-Russian Journal of Social Sciences*, Krasnodar, KubGU Publ., 2019, vol. 20, no. 3, pp. 91—105. (In Russian)
11. Malinova O. Yu. Tema “likhikh devyanostykh” v diskursakh rossiiskikh kommunistov i natsional-patriotov [The issue of “the turbulent 1990s” in discourses of Russian communists and national-patriots]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Politologiya — Bulletin of Perm University. Political Sciences*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 53—63. (In Russian)
12. Simonyan R. Kh. “Likhie” ili “slavnye” devyanostye? [“Dashing” or “glorious” nineties?]. *Svobodnaya mysl’*, 2011, no. 12 (1630), pp. 159—174. (In Russian)